

## **В.И. Иохельсон и Сибиряковская экспедиция (1894-1897)**

*Э. Кастен*

С В.И. Иохельсоном исследование народов и культур северо-восточной Сибири к концу XIX века вступило в новую фазу. В течение предшествовавших 150 лет естествоиспытатели немецкого или немецко-балтийского происхождения уже посвятили себя этой деятельности, работая по поручению Российской империи (1). У Иохельсона была совершенно иная профессиональная подготовка. В первую очередь это социально-критические убеждения, явно повлиявшие на его первые встречи с коренными народами и на его последующие исследования в северо-восточной Сибири. В ходе исследований он выработал методы, некоторые из которых позднее стали основополагающими для тогда еще молодой дисциплины – этнологии.

Благодаря многостороннему и интенсивному опыту в жизни Иохельсона произошел ряд неожиданных перемен: от политического активиста к ссыльному в Сибири, где он начал интересоваться живущими там местными народами. Позднее в Нью-Йорке он завершил свой научный труд, опираясь на который он оказал большое влияние на начинающуюся советскую этнографию. Иохельсон принял активное участие в трех больших этнографических экспедициях в северо-восточной Сибири: в Сибиряковской экспедиции (1894-1897), Северо-Тихоокеанской Джезуповской экспедиции (1897-1902) (2) и экспедиции Рябушинского (1908-1911). На вопрос о том, как происходило формирование Иохельсона как этнолога, более приемлемый ответ может дать, если рассмотреть исследование его первой экспедиции – Сибиряковской (3).

Восточно-Сибирский отдел Императорского Русского географического общества в Иркутске организовал в 1894-1897 гг. (4) Якутскую историко-этнографическую экспедицию, во время которой Иохельсон должен был проводить полевые исследовательские работы в районе р. Колымы. Позднее эта экспедиция была названа по имени ее мецената – иркутского купца, золотопромышленника и благотворителя И.М. Сибирякова. Сибирякова кроме всего прочего интересовало воздействие добычи золота на местное население (5). Таким образом у экспедиции наряду с научными целями были также практические, т.е. цели развития региона. И в то же время ее участники придерживались традиций предыдущих этнографических исследований северо-восточной Сибири – таких, как агронома Иоганна Карла Эренфрида Кегеля (1841-1847) и геолога и горного инженера Карла фон Дитмара (1851-1855) на Камчатке (6).

Согласно Д. Дальманну (7), исследовательская группа из 26 человек нашла новую эру в истории исследований Сибири. Она состояла уже не как

прежде из „классической императорской элиты царской России, т.е. из армии и науки“ (8), а из служащих и интеллигенции Якутской области, к которым относились – с особого разрешения правительства – преимущественно высланные в регион революционеры, т.е. враги государства Русской империи.

Кроме В.И. Иохельсона и В.Г. Богораза в экспедиции приняли участие такие известные этнографы как Э.К. Пекарский, И.И. Майнов, С.В. Ястремский и Н.А. Виташевский. С одним из руководителей экспедиции, Д.А. Клеменцом, Иохельсон познакомился еще в 1875 году в Вильнюсе, с того времени они много лет сотрудничали в революционном движении.

Теперь же эти „враги государства“ были востребованы как „интеллектуальный ресурс“ (9), который сокращался после спада международного исследовательского сотрудничества т.н. „транснациональной фазы“ (10) и начавшейся научной изоляции. Инициатива по исследованию и организации Сибиряковской экспедиции исходила из Иркутска, который во второй половине XIX столетия становился новым интеллектуальным центром Сибири. Экспедиция была финансирована из региональных средств и организована региональным Восточно-Сибирским отделом Императорского Русского Географического общества. При этом она должна была обходиться наличествующим интеллектуальным потенциалом региона, к которому, прежде всего, относились живущие там вполне образованные ссыльные.

### **Результаты, собранные Иохельсоном в Сибиряковской экспедиции, в сравнении с более поздними исследовательскими поездками по северо-восточной Сибири**

Ранняя деятельность Иохельсона в революционном движении и его более поздний переход к науке были подробно описаны в других статьях (11). Более близкое рассмотрение, прежде всего писем и дневников времен его полевых работ, создает впечатление, что перемена в нем произошла уже тогда – в силу его усердного самообразования, позволявшего ему ближе знакомиться с языками и культурами живших там народов. Возможно они очаровывали его, и ему хотелось тщательно изучить их жизнь, опираясь на использование научных методов. Очевидно свой научный интерес он выдвинул на передний план, но при этом не оставляя первоначальные социально-критические убеждения.

Поэтому в ранних публикациях (12) Иохельсона особенно отчетливо бросается в глаза эмпатия к местному населению, с помощью которой он пытался представить себя в их трудных жизненных условиях. Совершенно очевидно, что он следовал своим первоначальным революционным склонностям – улучшить положение незащищенных и угнетенных людей. Кроме того, ему было трудно скрывать эмоциональное смущение, так как самому пришлось долгое время жить с местным населением в очень трудных условиях. Ему на

собственном опыте были знакомы везде и всюду поджидавшие опасности, например, однажды во время совместной поездки из-за крайне плохих погодных условий он со своей нартой на какое-то время потерял стыковку с караваном (13). Его описания о том, как он должен был вести себя во время пережитого им самым голода по отношению к своим спутникам (14), открыли ему же глаза и на то, как люди помогали друг друга в похожих ситуациях (15). С впечатляющей чуткостью Иохельсон описывает, как местное население обращалось с заболевшими сородичами, обреченными на смерть во время эпидемий оспенной пустулы, какие особые устройства по уходу с прокаженными люди создавали, при этом заботясь и о собственной защите от болезни. Но при всей эмоциональной озадаченности и расположении к местному населению Иохельсон трезво регистрирует также и то, как в таких крайних ситуациях в человеке проявляются разные черты характера – эгоизм (16) и жадность одного помощника при погребении, который присвоил себе ценное праздничное одеяние человека, умершего от оспенной пустулы. Но поносив его какое-то время, он вскоре умер сам от той же болезни (17).

Но открытая критика относилась больше все же к „мошенническим торговцам“, от которых местные жители не были защищены. Иохельсон сожалеет, что правительство заботилось не о судьбе этих людей, а о том, „что половина промысла из столь бедного края уходит на водку“ (18).

Удивительно, что проникнутые выраженным сочувствием описания уже отсутствовали в его более поздних монографиях, посвященных корякам и ительменам (19). И все же невероятно, чтобы позиция Иохельсона со временем могла измениться таким коренным образом. Более вероятным могло быть, что в течение тесного сотрудничества с Францом Боасом в Нью-Йорке он приспособивал свои публикации к „научному“ стилю, казавшийся ему более полезным для признания и продвижения в новых, им выбранных, академических кругах. Эмоциональные сообщения, напротив, публикуемые, например, в журнале „Mutter Erde“ (Мать Земля) могли казаться менее полезными.

Во время Сибиряковской экспедиция Иохельсон уже предвосхищает часть того, что позднее будет являться составной частью метода Боаса, а именно „этнографический материал нужно уточнять нефальсифицированной передачей сообщений коренных народов с их собственных слов и на оригинальном языке“ (20). В своих дневниках и письмах (21) Иохельсон уже в 1894 г. подчеркивает, насколько важным для понимания культур коренных народов является документирование речи на их родных языках, как он это делал в своих текстовых коллекциях.

Кроме того Иохельсон задумывался о возникновении местных систем коммуникации на основе иероглифического шрифта, возможно первоначально ориентированной на звериные следы и на тщательное наблюдение природы (22). В своих описаниях о поведении во время охоты Иохельсон регистрирует элементарные отношения человека и зверя, характерные для этих народов. Ис-

ходя из этого существует как бы негласная связь „между охотником и зверем. Если зверю не нравился охотник, то последний не мог его убить.“ (23)

Относительно рыболовства Иохельсон делает немаловажное наблюдение, когда пропускаются первые косяки поднимающейся морской рыбы, „чтобы не спугнуть рыбу“, лишь после этого начинается лов (24). В этом поведении – даже если оно иначе обосновывалось – отражается передаваемое экологическое знание: пропускать достаточное количество рыбы к нересту и для живущих в верхнем течении реки (25). Все это свидетельствует о том, что Иохельсон был тонким знатоком системы знаний коренного населения – такие качества сторонний человек мог приобрести только после длительного и активного метода включенного наблюдения.

И по другим пунктам ранние работы Иохельсона качественно отличаются от поздних. Он подробно описывает торговые споры, в которые от случая к случаю он сам был вовлечен (26), и ему знакомы специфика поведения и характерные черты у представителей различных этнических групп. Они могут соответствовать действительности, но он избегает стилизовать их под этнические стереотипы, как это иногда случается. Он с исключительной сжатостью описывает – как и во многих других случаях – межэтнические отношения в области жизненно важного для выживания обмена между пятью различными группами населения – юкагирами, эвенками, эвенками, якутами и русскими.

Бросается в глаза и то, что такого рода описания и заявления отсутствуют в более поздних публикациях Иохельсона о коряках и ительменах. В отличие от продолжительного пребывания Иохельсона в относительно обозримом регионе во время Сибиряковской экспедиции (также и до того), выполнение задач Северо-тихоокеанской Джексоновской экспедиции очевидно страдало от сильного давления сроков временем. так как Боас разработал обширную программу по возможности для более многостороннего культурного сравнения на огромной территории. Последнее касается, прежде всего, поездок Богораза, во время которых ему не позволялось пребывать на одном месте более длительное время, чтобы заниматься действительно стационарным методом включенного наблюдения. Вместо этого заданный Боасом этнографический метод принял скорее всего вид лихорадочной собирательной поездки в смысле „salvage anthropology“ («спасательной антропологии» - примерный перевод).

По сравнению с его предыдущими работами с юкагирами, похоже, Иохельсону во время Северо-тихоокеанской Джексоновской экспедиции было сложно устанавливать доверчивые отношения с местным населением при исследовании коряков (27). Другая сложность во время работы с коряками могла возникнуть из-за того, что у него не было достаточно времени серьезно заниматься корякским языком. Невсегда он был доволен услугами своего переводчика. Прежде всего обращает на себя внимание то различие, что путешествия к юкагирам Иохельсон совершал с местными экспертами, причем состав группы мог варьироваться в зависимости от того, соответствовало ли это местным обстоя-

ятельствам. При этом он мог выбирать людей из сведущих местных сотрудников, с которыми он частично был знаком со времен ссылки, и между ними уже существовало взаимное доверие. Их важный вклад он отчетливо подчеркивал прежде всего в письмах (28), напротив в более поздних монографиях об этом практически не упоминается (29). Игорь Крупник обратил внимание на то же самое и в отношении к монографии Богораза „The Chukchee“ (30), вышедшей как и монография Иохельсона „The Koryak“ после Северо-тихоокеанской Джезуповской экспедиции.

Очевидно нехватка подходящих местных сотрудников во время более поздних экспедиций могла вызывать у Иохельсона раздражение и разочарование, что отражается в его скорее неэмоциональных описаниях коряков. Еще отчетливее это проявляется в его этнографии по ительменам (камчадалам) во время следующей исследовательской поездки – экспедиции Рябушинского в 1910-1911 гг. Здесь у Иохельсона можно почувствовать прямо-таки вялость, и кажется, что в своих заметках он больше интересуется своей „камчадальской“ собакой, чем представителями коренного населения. С самого начала этой экспедиции он проявлял большой интерес к археологии, языку и культуру алеутов (31), и он согласился на присоединение Камчатки в программу научных исследований, пожалуй, подчиняясь скорее желанию мецената Ф.П. Рябушинского. В конце концов его этнография по ительменам давала мало чего содержательного. Может быть поэтому он так долго откладывал ее публикацию, и которую он сам так и не закончил.

В глаза бросается и то, какими разными оказываются вид и качество этнографических высказываний в публикациях Иохельсона в каждой из трех экспедиций, в которых он принимал активное участие. В многочисленных публикациях по юкагирам Иохельсон похоже осознанно определял различные тематические фокусы. Это обосновано тем, что публикации в самом начале были рассчитаны на еще гетерогенный круг читателей. Своими статьями в немецкоязычных журналах он пытался обратиться к политическим движениям в России и прежде всего к международным революционным кругам, среди которых немецкая партия социал-демократов была в то время движущей силой. Его первые опубликованные сообщения в России служили для того, чтобы уведомить Восточно-Сибирский Отдел Императорского Русского Географического общества и сотрудников Сибиряковской экспедиции, также других ученых в России об актуальных результатах его исследований. Немецким переводом этих статей он как бы предлагал свои услуги для прочтения докладов в научных кругах Западной Европы с целью продвижения по академической карьере. То, что эти статьи он уже ранее публиковал в популярно-научных журналах как, например, „Mutter Erde“, можно объяснить отсутствием денег. Боас тоже должен был сам финансировать свои первые полевые работы (32). Кроме того, через эти журналы представлялась возможность достичь широкий круг обр

Последующие публикации, в которых Иохельсон со своей монографией „The Yukaghir and the Yukaghirized Tungus“ вновь возвращался к материалам Сибиряковской экспедиции, были ориентированы с целью достижения дальнейшей профессиональной карьеры на совершенно другую публику – а именно, международных коллег в области американской культурной антропологии.

- .....
1. См. серию *Bibliotheca Kamtschatica* издательства Фонда культуры народов Сибири  
[http://www.siberian-studies.org/publications/bika\\_R.html](http://www.siberian-studies.org/publications/bika_R.html)
  2. Подробнее о Северо-тихоокеанской Джезуповской экспедиции, см. *Kasten, E. and M. Dürr: Jochelson and the Jesup North Pacific Expedition. A New Approach in the Ethnography of the Russian Far East* // Jochelson, W. The Koryak. 2016.
  3. Подробнее о Сибиряковской экспедиции, см. *Kasten, E. Vom politisch Verbannten zum bedeutenden Ethnologen: Waldemar Jochelson und die Sibirjakov-Expedition (1894–1897)* // Jochelson, W. Aus dem Fernen Osten Russlands: Deutschsprachige Schriften (1881–1908). Kasten, E. (Hg.). 2017.
  4. Иногда период экспедиции указывается также 1894–1896 гг., хотя Иохельсон согласно его дневниковым записям (Гурвич И.С. Полевые дневники В.И. Иохельсона и Д.Л. Иохельсон-Бродской. Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. Вып. II. 1963. С. 248–258) проводил полевые работы в 1895–1897 гг. Первую из восьми поездок Иохельсон совершил 15.12.1894 из Якутска. Последнюю поездку он совершил с 15.01 по 15.07.1897 г. (Иохельсон В.И. Предварительный отчет об исследованиях инородцев Колымского и Верхоянского округов. // Известия ВСОИРОГО XXIX (1)1898b. С. 10–11). Причина варьирующихся дат могла возникнуть от того, что Иохельсон и Богораз непосредственно по окончании экспедиции еще занимались переписью населения в регионе, похоже, одновременно и сбором этнографических данных.
  5. Сирина А.А. «Скоро будет два года, как мы занимаемся экспедиционными работами ...». Илин №5 2007. С. 91.
  6. *Gülden, W.F. (Hg.). Johann Karl Ehrenfried Kegel: Forschungsreise nach Kamtschatka. Reisen und Erlebnisse des Johann Karl Ehrenfried Kegel von 1841 bis 1847. 2011. Ditmar, K. Reisen und Aufenthalt in Kamtschatka in den Jahren 1851–1855. 2011. Kasten, E. (Hg.) Reisen an den Rand des Russischen Reiches. Die wissenschaftliche Erschließung der nordpazifischen Küstengebiete im 18. und 19. Jahrhundert. 2013.*
  7. *Dahlmann, D. Deutschbaltische Forschungsreisende und Wissenschaftler und die Universität Dorpat in der ersten Hälfte des 19. Jahrhunderts – Ein Überblick. // Auf den Spuren der modernen Sozial- und Kulturanthropologie: Die Jesup North*

- Pacific Expedition (1897–1902) im Nordosten Sibiriens, M. Winterschladen, D. Ordubadi, D. Dahlmann (Hg.). 2016. С. 44.
8. Там же.
  9. *Dahlmann, D.* 2016. С. 45.
  10. *Schweitzer, P.* Naturforscher, Weltreisende und nationale Forschungstraditionen: Bemerkungen zur ethnologischen Erforschung Sibiriens. // Reisen an den Rand des Russischen Reiches: Die wissenschaftliche Erschließung der nordpazifischen Küstengebiete im 18. und 19. Jahrhundert. E. Kasten (Hg.). 2013. С. 11–28.
  11. *Kasten, E.* 2017; *Winterschladen, M.* Zwischen Revolution und Wissenschaft. Vladimir Iochel'son, Vladimir Bogoraz und die Verflechtung von Wissenschaft und Politik – Ein biographischer Zugang // Auf den Spuren der modernen Sozial- und Kulturanthropologie: Die Jesup North Pacific Expedition (1897–1902) im Nordosten Sibiriens, M. Winterschladen, D. Ordubadi, D. Dahlmann (Hg.). 2016. С. 77–118.
  12. Jochelson, W. Aus dem Fernen Osten Russlands: Deutschsprachige Schriften (1881–1908). E. Kasten (Hg.). 2017. (Сборник немецкоязычных статей В.И. Иохельсона, см. № 13, 14, 15, 16, 22, 23, 24, 26, 31).
  13. *Jochelson, W.* In Polargegenden: II. Ein „Tanner“ in der Tundra // Mutter Erde – Technik, Reisen und nützliche Naturbetrachtung in Haus und Familie. Bd. 1: 1899, см. Kasten, E. (Hg.) Jochelson, W.: Aus dem Fernen Osten Russlands 2017: 99-114. С.101.
  14. *Jochelson, W.* Die Jukagiren im äussersten Nordosten Asiens. Sitzungsberichte der Geographischen Gesellschaft in Bern XVII. 1900, см. Kasten, E. (Hg.) Jochelson, W.: Aus dem Fernen Osten Russlands 2017: 43-78. С. 72.
  15. *Jochelson, W.* In Polargegenden: I. Das Eisen-Mädchen (Timir-Kyß) // Mutter Erde – Technik, Reisen und nützliche Naturbetrachtung in Haus und Familie. Bd. 1: 1899, см. Kasten, E. (Hg.) Jochelson, W.: Aus dem Fernen Osten Russlands 2017: 91-97 *Jochelson, W.* Die Jukagiren im äussersten Nordosten Asiens. Sitzungsberichte der Geographischen Gesellschaft in Bern XVII. 1900, см. Kasten, E. (Hg.) Jochelson, W.: Aus dem Fernen Osten Russlands 2017: 43-78.
  16. *Jochelson, W.* In Polargegenden: III. Die Blattern im äussersten Norden. // Mutter Erde – Technik, Reisen und nützliche Naturbetrachtung in Haus und Familie, Bd. 1. 1899, см. Kasten, E. (Hg.) Jochelson, W.: Aus dem Fernen Osten Russlands 2017: 115-125. С. 124.
  17. *Jochelson, W.* In Polargegenden: III. Die Blattern im äussersten Norden. // Mutter Erde – Technik, Reisen und nützliche Naturbetrachtung in Haus und Familie, Bd. 1. 1899, см. Kasten, E. (Hg.) Jochelson, W.: Aus dem Fernen Osten Russlands 2017: 115-125. С. 124.
  18. Иохельсон В.И. По рекам Ясачной и Коркодону. Древний и современный юкагирский быт и письма. С. Петербург, 1898: 274; Иохельсон В.И. Очерк зверопромышленности и торговли мехами в Колымском округе (Тр.



- Якутской экспедиции. Отд. III. Т. X. Ч. 3). СПб., 1898.
19. *Jochelson, W.* The Koryak 2016 [1908], *Jochelson, V.I.* The Yukaghir and the Yukaghirized Tungus. 2018 [1910–1926]
  20. *Boas, F.* Die Resultate der Jesup-Expedition. Verhandlungen des XVI. internationalen Amerikanisten-Kongresses (1908). 1910. С. 7.
  21. см. № 4, 5.
  22. *Jochelson, W.* Über die Sprache und Schrift der Jukagiren. Sitzungsberichte der Geographischen Gesellschaft in Bern XVII. 1900, см. Kasten, E. (Hg.) *Jochelson, W.*: Aus dem Fernen Osten Russlands 2017: 79-89. С. 85.
  23. *Jochelson, W.* Die Jukagiren im äussersten Nordosten Asiens. Sitzungsberichte der Geographischen Gesellschaft in Bern XVII. 1900, см. № 12.24. *Jochelson, W.* Die Jukagiren im äussersten Nordosten Asiens. Sitzungsberichte der Geographischen Gesellschaft in Bern XVII. 1900, см. Kasten, E. (Hg.) *Jochelson, W.*: Aus dem Fernen Osten Russlands 2017: 43-78. С.55.
  25. Похожее экологически и социально мотивированное поведение при рыболовстве отметил также Георг Вильгельм Штеллер в середине XVIII столетия у ительменов на Камчатке. См. *Kasten, E.* Koryak Salmon Fishery: Remembrances of the Past, Perspectives for the Future. // *Keystone Nations: Indigenous Peoples and Salmon Across the North Pacific.* B.J. Colombi and J.F. Brooks (eds.) 2012. С. 70.
  26. *Jochelson, W.* Die Jukagiren im äussersten Nordosten Asiens. Sitzungsberichte der Geographischen Gesellschaft in Bern XVII. 1900, см. Kasten, E. (Hg.) *Jochelson, W.*: Aus dem Fernen Osten Russlands 2017: 43-78. С. 75.
  27. *Kasten, E.* and M. Dürr 2016. С. 25.
  28. Сирина А.А. «Скоро будет два года, как мы занимаемся экспедиционными работами ...». Илин №5 2007. С. 96.
  29. *Kasten, E.* and M. Dürr 2016. С. 18.
  30. *Krupnik, I.* Waldemar Bogoras and The Chukchee: A Maestro and a Classical Ethnography. // *Waldemar Bogoras: The Chukchee.* M. Dürr and E. Kasten (eds.). 2017. С. 32.
  31. *Jochelson, W.* Die Riabouschinsky-Expedition nach Kamtschatka. // *Globus* 94.1908, см. Kasten, E. (Hg.) *Jochelson, W.*: Aus dem Fernen Osten Russlands 2017: 147-151. С. 150.
  32. *Kasten, E.* Franz Boas. Ein engagierter Wissenschaftler in der Auseinandersetzung mit seiner Zeit. // *Franz Boas. Ethnologe, Anthropologe, Sprachwissenschaftler.* M. Dürr, E. Kasten, E. Renner (Hg.). 1992. С. 11.

.....

(обработан перевод с немецкого Тьян Заочной)